

Театр

Откровения человека, бывавшего в Советском Союзе лишь дважды. Школа Станиславского.
Режиссёр, погруженный во внутренний мир героев

Гений из кипящего льда

ВИТТОРИО ГАССМАН
актер

Россия. Мои детские чтения. Для моего поколения великие русские писатели Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский — это своеобразные памятники воспитания, скорее более духовного, чем литературного. Мы воспитаны ими так же, как и французами Гюго, Бальзаком, Золя. Они привили нам фантазию, способность тоньше разбираться в чувствах, искать цель в жизни и усматривать романтическое в каждодневном. Это — великие, титанические страницы, держащие как бы в отдалении и одновременно способные быть невероятно близкими читателю.

Нам посчастливилось рано почувствовать высокое повествование Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, вовремя узнать их героев, несущих печать благородства даже в своей негативности, прекрасных и низких, разумных и поступающих вопреки здравому смыслу. В пятнадцать, шестнадцать, семнадцать лет мы с жадностью испили эту чашу. И затем, поучившись у жизни и пережив ее неожиданные повороты, мы повстречались с Гоголем, творчество которого органично дополняет видимый мир Толстого и невидимый — Достоевского. Н. Гоголь рассказал нам архаичные истории из жизни крестьянской матушки-России, описал волшебные картины затерянных в холодных снегах изб, духов и домовых, появляющихся из дымоходов... О, Россия, родина невиданных поворотов Истории, страна столь глубоко погруженных айсбергов! Думаю, что могу себе позволить столь „высокий стиль“.

А. П. Чехова я открыл для себя позднее, открыл как мастера игры между историей и антиисторией, происходящей в, казалось бы, обыденной, каждодневной жизни семей, групп людей, учреждений, в тихих беседах ни о чем. А. П. Чехов, сплавивший в своих драмах грусть и юмор, представляет собой единственный достойный противовес мрачному и жестокому Шекспиру. Я никогда не играл Чехова на театральной сцене, и это, видимо, к лучшему. Если бы пришлось, то я сыграл бы Чехова лучше сегодня, после того как пережил Достоевского, бывшего мне братом, моей тенью и наперником в бурные, беспорядочные годы молодости, и подошел теперь к роману, который собираюсь опубликовать, охваченный сомнениями и нерешительностью. Название его „Воспоминания о камерке под лестницей“.

Я был в России всего дважды, читал стихи в московском Дворце спорта перед людьми, слушавшими страстно и внимательно, с тем высшим вниманием, которое выше понимания слов и исходит из самой души, в трепетном и испо-

На снимках:
Марк Шагал,
родившийся
в Витебске,
вернулся
своими
картинами
в
Советский Союз.

Витторио
Гассман
на сцене
миланского
Малого
театра.

На странице 34:
В. Гассман
питает
большую
любовь
к
Ленинграду
и
Эрмитажу,
в частности.

лленном смысле молчании. Затем — Ленинград, город тысяч очарований, элегантный и таинственный, с его парками и музеями, с разными тайнами, смакуемыми вместе с чаем из пышущего самовара, с заслуженным чувством легкого превосходства над „новой“ и не столь утонченной столицей. В Ленинграде больше, чем где бы то ни было, испытываешь желание искать следы России-матери, породившей эту литературу, одновременно реальной, чистой и романтической, немного безумной, наслаждающейся жизнью безудержной, поющей и пляшущей, которая не стыдится чувств, учит возвышенному холодных и самоуспокоенных, разжигает сердца. Я думаю, что перестройка Горбачева поможет нам ближе узнать эту страну, отмеченную чувствами глубокими, как ущелье. Пусть перед нами откроются сказочные двери Востока, столь долго скрывавшие Тайну. Мы, люди театра, стольким обязаны России, Станиславскому и его методу, Московскому Художественному театру, науке погружаться во внутренний мир героев. На этих правилах воспитаны, например, лучшие мастера „Acto's Studio“, и великие итальянские актеры конца прошлого века, от Дзаккони до Сальвини. Все они прошли „русскую школу“. Эти средиземноморские „комедианты“ должны были впитать в себя русский гений из кипящего льда. Это Россия волнений и грез, раскаленных докрасна дней и белых ночей.